

Трутько В.В., доцент кафедры
общего и русского языкознания,
кандидат филологических наук,
доцент

Особенности синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой

Синтаксис – это особый резерв художественной поэтики. Очевидной (и серьезно изученной) представляется его роль в стихотворных произведениях. Однако и в прозаических текстах не менее важно проследить «вырастание» художественной реальности на синтаксической «почве», обеспечение средствами синтаксиса целевой установки создателя текста.

По словам Е.А. Иванчиковой, «синтаксис является необходимой организующей частью структуры художественного текста, в нем писательский почерк отражается наиболее непосредственно и «зримо»...» [2, с. 3]. Особой ценности синтаксиса в области поэтики художественного текста посвящено немало серьезных работ. Однако невозможно представить, что данное направление лингвистических исследований будет когда-либо признано до конца разработанным или даже разработанным достаточно. С появлением талантливого автора, в произведениях которого нам открываются новые грани синтаксического потенциала, появляется новый объект для исследования.

В нашей работе мы обратимся к произведениям автора-современника Людмилы Улицкой с целью выявить и охарактеризовать особенности (способы) синтаксического формирования художественного мира и наполнения информационного пространства текста за счет возможностей синтаксиса.

Существуют лишь единичные попытки исследований синтаксических особенностей произведений Л. Улицкой. Например, Козлова Л.Н. рассматривает синтаксические средства создания разговорности на материале произведений российской писательницы [3]. Однако разнонаправленная работа Улицкой над синтаксисом заслуживает большего

внимания. Можно даже сказать, что синтаксис прозы (особенно, на наш взгляд, «малой» прозы) Людмилы Улицкой живет своей жизнью.

Представим несколько примеров особенно яркого «явления» синтаксиса на страницах рассказа «Бронька», одного из самых лирических и светлых произведений автора.

Рассказ состоит из двух частей, которые соотносятся – «налагаются» друг на друга – и противопоставляются, но не прямо, а с помощью многих частных антитез, вырастающих в итоге в глубокое нравственно-философское противоречие. И это один из ключевых принципов построения текста рассказа – и в целом, и на различных уровнях языка: от лексики до синтаксиса. Антитезы Улицкой оригинальны, прозрачны, при этом лишены однозначности.

Антитетичны многие синтаксические «рисунки». Здесь тоже нет четкой однозначности, что и заставляет видеть в таких антитетично соотносимых построениях особую значимость. То же, не слишком значительное, как может показаться на первый взгляд, событие (событие-ситуация) «выкладывается» многими «кирпичиками» – разнообразными по структуре предложениями – простыми; простыми осложненными, сложными (союзными или бессоюзными); то для *нескольких* событий, этапных в жизни главного героя, выделяет автор лишь одно предложение.

Последний сын Броньки, Сашка, был того же смугло-сероглазого образца, родился он незадолго до смерти старого фотографа, и в самый день похорон Симка, Бронька и четверо детей, после небольших поминок и крупного кухонного скандала, разразившегося по поводу самовольного вселения Симкиных потомков в бывшую поповскую комнату, въехали туда и зажили по-царски [5, с. 26].

Основная информация, поданная через «внешние» ключевые акценты:

1. Родился четвертый сын Броньки, Сашка.
2. Он похож на своих братьев.
3. Старый фотограф умер.

4. Бронька с детьми и матерью переселились в комнату старого фотографа.

Информация «попутная», из которой следует или угадывается:

1. Сашка и трое младших – дети одного отца (...того же смугло-сероглазого образца...).
2. Сашка – «последний» (*Последний сын Броньки, Сашка...*). Не очередной, не четвертый, то есть это тот, после которого уже никого другого не будет.
3. (угадывается) ...**не потому ли**, что умер старый фотограф? **Это означает...**

Очень изящное логико-вербальное построение, присущее, пожалуй, только очень хорошим детективам. И важную роль в создании этого маленького «закодированного» текста играет синтаксический рисунок, – то именно, что такой объем важной и очень важной информации заключен в одном предложении. Словно сжатая пружина, это осложненное «загадкой» предложение делит рассказ пополам.

Бедственное положение Броньки, ее семьи, изменилось к лучшему: ...*зажили по-царски*. Но информация о том, что детей больше не будет, заставляет догадаться, что из жизни юной женщины ушел бесконечно любимый человек. Тайное, страстное женское счастье Броньки закончилось в 17 лет. Началась «царская» жизнь.

Первая половина рассказа – это история Броньки глазами Симки, Бронькиной матери; соседей по коммуналке; глазами Ирочки, внучки Анны Марковны, других случайных соучастников (классной руководительницы; дворовых мальчишек и т.д.), та история, которую она разрешила увидеть этим нечаянным «попутчикам» своего жизненного «движения», а вторая половина – это история Броньки, рассказанная ею той самой Ирочке через много лет, совсем другая история.

И разделение рассказа на части, разделение Бронькиной жизни на две половины произошло, по воле автора, как-то вдруг: изящным взмахом остановила судьба одну линию и дала толчок другой. И это изящество

перехода обусловлено именно талантливым использованием синтаксического потенциала. Разделение этого предложения на отдельные самостоятельные части не дало бы нам этого «изящного взмаха», возможности «запустить» в работу собственную мысль, а не следовать за мыслью автора.

Еще одной характерной чертой синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой является превалирование «обильно» осложненных конструкций над неосложненными. Обильно – ибо количество слов, использованных в предложении Улицкой для уточнения, пояснения, а в большей степени для характеристики, превышает, а порой и намного превышает число вербальных единиц основной(-ых) части(-ей) синтаксической структуры:

(№1) *Извозчик выгрузил ее, тощую, длинноносую, в завинченных вокруг худых ног чулках и больших мужских ботинках, и, громко ругаясь, уехал* [5, с. 19].

Основная линия предложения (*Извозчик выгрузил ее... и... уехал*) (5 слов – 4 лексических единицы) лишь поддерживает необходимое по сюжету *передвижение* главной героини. Информация же, формирующая образ персонажа, содержится в обособленных второстепенных членах конструкции (14 слов – 12 лексических единиц). Вся Симка – в этих определениях и обстоятельстве, особенно в обстоятельстве. *Завинченные чулки, мужские ботинки, и – ругающийся извозчик*. Это она, Симка, – ввинчивающаяся в эту сложную, не поддающуюся слабым и смирным жизнь, морочащая, вызывающе стойкая, вызывающая гнев, но и заставляющая эту жизнь ей поддаваться.

И здесь закладывается фундамент глубокой антитезы: Симка, которая нашла общий язык с реальностью, и – Бронька, ее дочь, не принимающая эту реальность до мыслей о самоубийстве.

(№2) *Заселив, к неудовольствию прочих жильцов, каморку при кухне и вынудив тем самым разнести по комнатам хранившийся там хлам, главным образом дырявые тазы и корыта, она не вызвала к себе большой любви будущих соседей, обитателей одного из самых ветхих строений сложно разветвленного двора* [5, с. 19].

Как видим, основная линия этого объемного (по количеству слов) простого предложения (подлежащее, сказуемое и относящиеся к ним необособленные второстепенные члены) включает 9 слов (7 лексических единиц), зато осложняющие (обособленные) члены предложения и вводные элементы – это остальные 33 слова (28 лексических единиц).

И вновь за этим – сложная антитеза замысла автора. Вновь обособленные второстепенные члены обеспечивают приток более важной информации, нежели та, которую представляет основная линия. Более важной и более перспективной. [Заселение каморки] и [ветхое строение] – прелюдия к иным этапам жилищного благополучия главной героини: каморка при кухне → самая большая комната в коммуналке → трехкомнатная квартира → квартира в «генеральском» доме. Даже *дырявые тазы и корыта*, казалось бы, абсолютно бесперспективные (в смысле продолжения линии повествования), и «приданные» лишь для того, чтобы одним штрихом напомнить о быте эпохи, вспоминаются во второй половине рассказа, когда Бронька говорит о немислимости того существования, которое они вели: метафора, полная сарказма, – заселиться, «выселить» *дырявые тазы и корыта*, как бы составив им конкуренцию... Одна из наиболее ярких и мощных антитез идейно-нравственного мира автора. Невыносимость такого овеществления человека, сознательной неодухотворенности его – это ненавязчиво и оригинально полученное «знание» не дает нам удивиться мыслям совсем юной главной героини о самоубийстве. Таким образом, цель подобной конструкции – заставить мысль читателя работать, а не механически двигаться за повествователем.

(№3) *Симка, удачно отбредившаяся вслед и крутя руками как ветряная мельница, осталась посреди двора со своим имуществом, состоящим из огромной пятнистой перины, двух подушек и маленькой Броньки, прижимавшей к груди меньшую из двух подушек, ту, что была в розовом напернике и напоминала дохлого поросенка* [5, с. 19].

Вновь перед нами в ряду обособленных второстепенных членов – настоящая Симка: суетливая, деятельная (обособленное обстоятельство), и

зарождение новой антитезы: Бронька – имущество Симки, наравне с подушками и периной?! (обособленное определение). И мы еще вспомним об этом, когда увидим, как в продолжении рассказа Бронька победит в противостоянии, молча и мужественно доказывая изумленной донельзя матери, что она – не имущество, она – хозяйка своей жизни.

(№4) *На следующей фотографии, тоже приклеенной на коричневатосерый картон, на фоне темного мелкорисунчатого ковра, подтянув колени к подбородку и обхватив руками голые ступни, в чем-то светлоружевном, дамском, сидит юная девушка, удивительно похожая на Броньку* [5, с. 32].

Если в предыдущих примерах – настоящая Симка, то здесь, в обособленных обстоятельствах, определениях, – настоящая Бронька, которую никто такую не знал.

Если только эти четыре примера разместить в таблицу, уже получится интересная картина:

№ примера	Соотношение количества слов, составляющих основную линию повествования, и / слов, представляющих обособленные члены предложения(-ий) и вводные элементы (через дефис – соотношение количества соответствующих лексических единиц).
1.	9/33 – 7/28
2.	5/14 – 4/11
3.	16/27 – 11/22
4.	11/22 – 9/16

А таких примеров достаточно много как в рассказе «Бронька» (более 20), так и в других рассказах Улицкой.

Таким образом, вовлечение в «работу идеи» синтаксического потенциала осуществляется автором в двух направлениях: наделение особым значением соотношения «простое – сложное» предложение, а также «основной блок» – «блок обособленных членов» в одном предложении.

Синтаксис «малой» прозы Улицкой можно назвать спокойно-стремительным. Он динамичен, увлекает вперед, лишая сопротивления, не давая возможности работе мысли читателя остановиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев, В.И. Искусство прозы / В.И. Гусев. – М.: Изд. Лит. Ин-та, 1999. – 160 с.
2. Иванчикова, Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е.А. Иванчикова. – М.: «Либроком», 2010. – 288 с.
3. Козлова, Л. Н. Синтаксические средства создания разговорности (на материале произведений Л. Улицкой) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 110 – 114.
4. Суран, Т.И. Языковая личность автора и персонажа художественной прозы: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Т.И. Суран; Одес. гос. ун-т им. И.Н.Мечникова.- Одесса, 1994. – 17 с.
5. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.

РЕЗЮМЕ

Статья «Особенности синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой» посвящена одному из важнейших направлений работы писателя над языком создаваемого текста – формированию идейно-художественного пространства произведения за счет богатейших возможностей синтаксиса.

В статье подчеркивается, что своеобразие, изящество, динамичность языка рассказов Улицкой во многом обусловлены созданием особых синтаксических «рисунков». Также речь идет о значимости многочисленных и многословных обособленных членов предложений, их роли в формировании образов персонажей, ситуаций, в отражении авторской концепции произведения.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ